

«Никто не понимает родину до тех пор, пока он ее не потеряет...»

ЗІНАЇДА БАШЛАЙ

Зінаїда Іванівна Башлай народилася в 1914 році в м. Белгород (Росія), невдовзі батьки переїхали до Харкова. В 1922 році вона пішла до школи, в 1932 – вступила на робітфак хіміко-технологічного інституту і в 1938 році була зарахована на роботу в проектний інститут Діпрококс. Навесні 1942 року за мобілізацією була вивезена на примусові роботи в Німеччину, де по черзі працювала робітницею на фабриці «Шварцкопф» і служницею родини Райш у Берліні, а також помічницею комірника в хімічній лабораторії воєнного заводу WASAG на Заході Німеччини. У жовтні 1945 повернулася до Харкова і продовжила працювати в Діпрококси, звідки вийшла на пенсію в 1977 році. Вперше вона вийшла заміж у 70-річному віці й прожила з чоловіком до його смерті в 2004 році. Дітей у Зінаїди Іванівни немає. У кінці 1990-х років вона стала активним членом Харківського товариства жертв нацизму, декілька років на суспільних засадах пропрацювавши секретарем цієї організації.

Дана усна історія записана 19 грудня 2005 року в межах Міжнародного проекту збору документальних свідчень про долі людей, що в роки Другої світової війни залучалися до рабської та примусової праці на території Третього Рейху (International Slave- und Forced Labourers Documentation Project / Internationales Sklaven- und Zwangsarbeiter Befragungsprojekt). Інтерв'юєрка – Гелінада Грінченко.

Прочитати докладно про проект та ознайомитися з аналізом усної історії пані Башлай можна [тут](#).

Уривки з інтерв'ю

... И когда наступила война, выехать с Гипрококсом было совершенно невозможно. Выезжали предприятия, у них были какие-то транспортные средства или возможности по железной дороге, увозили оборудование, люди уезжали, работники заводов. А такие институты проектные, у них таких возможностей не было. Тем более я жила в Липовой роще и нужно было чтоб попасть в институт... очень трудно было уже с транспортом и я приходила, просила, спрашивала, нет ли возможностей... билеты, эвакуироваться... Ну я не очень... так сказать...так уж настойчиво добивалась этого потому что я понимала, что я молодой специалист, не представляю особенного интереса особ... как специалист, ну и кроме того, я сама не очень сама была уверена, что мне нужно уезжать. Это нужно было оставлять родителей, не бесп... не заботиться о них, а они уже были пожилыми, ну и вот поэтому я значит, в основном по такой причине я и не выехала в эвакуацию. Когда немцы пришли к нам...

В годы оккупации мне хотелось бы сказать несколько слов. Первые немцы, которые пришли, я увидела, выглянув из сада, выглянув через калитку. Напротив стоял немец, на противоположной стороне улицы и целился из ру... из винтовки на кого-то. Потом слышу: вокруг меня свистят пули, ну я думаю, наверно, это серьезно, надо

уносить ноги, ушла. Мы с сестрой спрятались, мы боялись, что будет к нам проявлен слишком большой интерес со стороны немецких солдат. Оделись как можно хуже, всякое затрапезное барахло, платки и так далее, но мы ошибались, те фронтовики, которые шли, первые немцы, им было не до этого, они были возбужденные, красные, возбужденные боями с собственной значит... безопасности, боялись сохранить как-то... значит, чтоб их самих не убили, искали только партизан. Делали такой обыск в домах, искали мужчин, партизан. Ну, обошлось благополучно. Они не грабили, эти первые немцы.

Через 2-3 дня когда начал поступать уже обоз, пошли мир... как немцы, которые в боях непосредственно не участвовали, ну начали они... тут начался грабеж со страшной силой. У нас были у папы очень много живности: были гуси, куры, цесарки, индейки, он очень любил эту самую, птицу, и любил ими заниматься. Все это, в первые же дни это все исчезло. Немцы все это похватили, поскрутили значит головы им и все это значит унесли и пожрали. Но это нас отчасти спасло, что у нас было много корма припасено для этой птицы поэто...и поэтому этот корм мы, потом мы сами уже питались, это был ячмень, который нужно было толочь в ступках, и получалась отличная ячменная каша. (пауза)

Ну что можно сказать об оккупации - очень много трудно сказать и нет такого четких впечатлений, одно осталось впечатление это... бездеятельность полная, скука, ожидание конца войны. Ни света, ни воды не было, ни продуктов питания. Немцы абсолютно не занимались снабжением населения, мы ходили, меняли какое-то там барахлишко наше, меняли в селах и уже доходили за 150 километров, все дальше и дальше отходили от Харькова, возле Полтавы были уже менщики наши, и мы в том числе. Вечера начинались... с пяти часов вечера запрещалось уже выходить, комендантский час был. Значит все были привязаны к дому, поскольку света не было, электричества, сидели все у каганца, семья собиралась все вокруг стола, сидели, терли этот ячмень и читали при каганце, ну в общем и ожидали окончания не так войны как окончания оккупации, когда немцев погонят с ти... с нашей территории. Ну, в Харькове, как известно, дважды освобождали: один раз освободили, потом немцы опять пришли, вокруг были какие-то бои, мы только пользовались слухами о том... мы знаем там... Когда один немец мне сказал, это было в декабре сорок первого года, что они уже, их войска под Москвой, я даже не могла этому поверить. Мне казалось, так быстро ну невозможно было до Москвы дойти, оказывается все было уже было все у Москвы.

Ну и началась .. прошло... годы оккупации это до того как меня забрали в Германию. (пауза) Одним словом можно выразить пребывание в оккупации, это - ожидание. А потом начали забирать в Германию в основном женщин, мужчин вообще было мало они или воевали, или были еще юноши, мальчики, подростки, а забирали в основном женщин, девушек, женщин в возрасте от 17 до 25 лет, вот большей частью таких забирали в Германию. Ну и меня забрали, несколько раз они пытались, через полицию распространяли они повестки, которые обязались выехать в сборные пункты для отправки в Германию. Пару раз удалось как-то открутиться, а потом, получилось так, что я сама настолько... полиция, я сама открыла дверь, и деваться было некуда, и сестра увидела это дело, спряталась в погребе, я сказала, что сестра пошла на менку, что я одна, и он вручил мне повестку. И по этой повестке я выехала в Германию. (пауза)

В Германии, можно разделить на несколько этапов мое пребывание там. Сначала я была на фабрике знаменитой фирмы Шварцкопф в самом Берлине. Эта фирма производила косметику, предметы санитарии, гигиены, какие-то лекарства, ампулки мы запаивали это дело, работали на конвейере. Работа была не тяжелая, хотя и довольно продолжительная. Тут же сидели немки за конвейером, такие же как и мы. Они не кичились, не гордились ничем, работали они...ну...бедные, довольно бедные были, судя по их одежде. Это был рабочий класс немецкий. Относились к нам нормально, так же, как к своим. А жили мы в бараке. Барак помещался в самом городе. Хуже чем в бараках, и хуже чем было жить в бараках и там питаться, за все время пребывания в Германии у меня не было. Это не выпускали из барака ни на минутку, мы шли на работу, возвращались, и дальше уже все сидели в бараке, никуда хода нет. Голодные, получали видно мы какие-то деньги, вот я даже сейчас не помню как это происходило, немецкие какие-то деньги мы получали, купить за них ничего нельзя было, потому, что все было по карточкам, единственное что можно было купить, мы, проходя мимо киосков, лотков, мы покупали чеснок, он был свободен, без карточек, мы покупали этот чеснок, ели его и от нас значит это... соответствующий аромат раздавался, значит (смех). Где б мы не шли мы были пропитаны это... чесноком (усмехается). А немцы думали, что... они не понимали, что мы от голода едим чеснок и говорили: «Вот они любят чеснок!», им казалось, что мы от большой любви к чесноку им пользуемся. Я не долго там пробыла на этом... на этой... заводе я работала месяца два. Потом меня забрали к хозяйке.

У хозяйки я попала в совсем другую обстановку. Это был прекрасный район у городского парка. Так и называлась улица ам Штаттпарк (городской парк) дом прилегал совсем выходил, выходил в парк, розы там были, значит, несмотря на войну очень ухоженные. Красивый такой парк. Ну мне гулять приходилось мало, в основном нужно было целый день работать. Работать в квартире... уборка каждый день, пыль пропылесосить все, было десять комнат, нужно было убрать. Было у хозяйки пятеро дочерей, только двое, трое жили с ней, а две другие отбывали в это время так называемое Арбайт динст - службу труда, это обязательное тру... проходили они такую повинность в шестнадцатилетнем возрасте.

Семья была... состояла из... отец был полковник авиации, большей частью он отсутствовал, когда мы жили в Берлине его почти никогда не было дома, приезжал только изредка наездами. Хозяйка была Элизабет Райш, ее фотография стоит у меня здесь за моей спиной в шкафу. О ней, ей можно посвятить целый раздел моих воспоминаний.

[...]

... спустя какое-то время появился приказ по Германии, чтоб всех остарбайтеров из семей забрать и передать в лагеря, работать на заводы, чтоб только работали, поскольку война продолжается, нужно помогать фронту, нужно поддерживать производство вооружений, и так далее, значит, нужно уже... как... Немцы как бы жертвовали тем, что у себя в хозяйстве они должны были освободить этих, перевести всех в лагерь. Ну, далеко не всех переводили, но меня во всяком случае перевели. Кстати перевели меня в том же районе, в километрах в 15-ти от этой пекарни был большой лагерь. Интересно о памяти человеческой, какие-то как про... как провалы... Вот например, я знаю что меня перевели в лагерь, но как я туда добралась, в лагерь, я даже не помню, то ли меня одну освободили..., а как, дали адрес, но я не помню, то ли меня

кто-то сопровождал туда. Но я прибыла в лагерь, и там, днем прибыла, как я туда прошла это я ничего не помню, помню только, что я уже в лагере, и в лагере подходит одна девочка ко мне и говорит: «А мы работаем здесь, ты новенькая?»

- Новенькая.

- Приходи к нам в лабораторию, мы – говорит – работаем, нас несколько девушек, работаем в лаборатории»

Эти девочки были все в основном из Донбасса, вот тут у меня, их фотографии есть, этих девчонок. Хорошие такие девчонки были, вот эти фотографии. (пауза) И началась моя жизнь там, в лагере. Там не было, не было такое..., скуки не было, потому что у меня был все время круг общения, хотя тоска по Родине сопровождала все пребывание в Германии, такая острая. Даже тот, кто этого не испытал, не может этому поверить, Просто я вам скажу факты вот такие, когда я вот была в пекарне, например, там вот жила, в воскресенье я уходила в лес, и рыдала, там нигде я не могла поплакать, а в лесу я кричала, кричала: «Мама, мама!», кричала и в истерике прямо какой-то рыдания. Был у меня такой факт. Это так же переносили это все, у меня Родина и мама, было одно и то же, олицетворялось в моей маме и я значит вот так вот... Но не смотря на то, что были знакомые там, не скучно, ну, знаете, жизнь кипела, а тоска была дикая. Во-первых, не было ж переписки, в то время, когда немцы оккупировали Харьков, а я была в Германии, ведь мама передавала через немцев, которые были там, солдат, просила: «На, брось письмо по полевой почте, чтоб оно дошло моей дочери в Берлин». И эти письма доходили, они бросали эти письма по полевой почте. А когда освободили Харьков, тогда уже линия фронта разделяла нас, тогда уже глухо, никакого, никакой восточки не доходило, никогда. Когда освободили первый раз Харьков, я была в Берлине, и когда, когда освободили Харьков, я заплакала, заплакала отчего, из-за того, что там пришли наши, а я здесь сижу. Как же так, там же наши пришли, мне хотелось быть там, вместе со всеми, а я у немцев сижу. Мне до того это было горько, что я заплакала. А моя хозяйка, она, видите, она не очень понимала меня, она говорит: «Зина плачет, потому что теперь она не сможет переписываться со своей мамой». Она даже не понимала, вот мы часто друг друга... в разных шкурах были, вот...

[...]

Ну уже началось...американцы пришли, уже значит, совсем другая жизнь, а перед тем как прийти, значит, американцам мы боялись, что немцы будут нас за собой увозить из лагерей, вот как они делали с теми, кто жил в концентрационном лагере, они их не отпускали, они их вели с собой, отступали, уводя с собой назывался Марш смерти, то есть их уводили на то, чтоб их уничтожить, поубивать, и мы боялись, что мы предполагали, что немцы так нас не допустят, чтоб мы попались в руки к американцам. Но они допустили. Значит пришли американцы, так поэтому когда мы боялись попасть в лапы к немцам значит, мы ушли все в леса. Значит, окружающие леса там были, это был март, 31 марта пришли немцы, уже в Германии... там климат более теплый, так примерно, как у нас в Крыму, и так уже даже было тепло, мы все ночевали три, трое суток мы провели в лесу, мы ж не знали точно, когда американцы придут. Построили там какую-то халабуду, из веток там шалаш. Я не помню, кстати, чем мы там питались, совсем не помню, у нас же никаких запасов не было, ну это у меня из памяти исключилось, почему...чем мы питались.

В общем прошло три дня, мы решили, что можно уже выходить, мы не, связи никакой не было, мы с белым флагом вышли на территорию, занятую уже американцами. И началась у нас значит жизнь, как на курорте, мы... пока нас не отправили в советскую зону оккупации, в расп... в этот, распределительный лагерь такой, считалось контрольным, где мы должны были пройти проверку нашей лояльности, ну, пока мы там жили значит прошло месяца 2-3. Ну, эти предприимчивые иностранцы, да и наши ребята, то, что они пограбили немцев это раз, они еще притащили туда, взяли, значит, оккупировали столовую. Готовили там еду сами, такие кушанья, вплоть до кремов, готовили кремы какие-то там, сладкие, и всякую мясные кушанья, это в основном французы, они вообще славятся своим этим самым, кулинарными изделиями. Вот. Так что жизнь у нас там была веселая, была там музыка, танцы, развлечения и ожидание отправки на Родину.

И когда... первый о том, что я уезжаю, я сидела в этом самом большом зале, никого не было я там брэнчала на пианино, пришел это француз, пробежал и говорит мне по-французски: «Ты сейчас уедешь». А я как понимала по-французски, потом я, мне было нужно долго подумать над фразой, он мне говорит «tu partiras de suite», я думаю значит что такое «партэра», значит каждое слово, ага! Ну, понимаю: «Ты сейчас уедешь», - он мне говорит, и помчались мы, значит, собирать свои вещи, и уезжать. Второе фра... я услышала от французов, что кончилась война. Я вот с этим со своим приятелем, Робером, гуляли мы там по парку, а там сидели французы на скамеечке, какие-то чужие, а может быть не знаю, не знакомые, потому что в лагерь много прибыли со всех сторон. И говорят ему, говорят: «la finite la Guerra» это значит: «Война закончилась». И вот эти два извещения я получила от французов: что я уезжаю сейчас и что кончилась война.

Ну конечно у меня не было никаких колебаний и сомнений, это только одно ехать домой, никаких у меня не было остаться там или что-то где-то у меня было твердое одно решение: ехать домой. И вот... Куда ехать? – К маме, вот для меня мама... вот у меня были и другие, у меня сестра была, отец был, брат где-то воевал, но мне вот мама нужна была. Мама и Родина – это одно и то же, и я возвращалась к маме, зная, что мама страдает и меня ждет, я должна была к ней вернуться. И потом в этом лагере, который был уже в кон... распределительный лагерь в Магдебурге, куда нас всех собирали, потом в зоне, в советской зоне оккупации, мы там еще прожили месяца три, пока нас это там, чего-то это... считалось, что проверяли, но на самом деле, просто, по-моему не успевали отправлять, и вот нас оттуда с этого лагеря пока, когда нас отправляли, тоже у меня не было ни малейшего сомнения, что... Мне там предлагали наши военные, уже наши, офицеры, «Оставайся здесь, поработай здесь, поможешь нам там где-то, что-то такое делать », ну многие со своими предложениями руки и сердца. Я категорически: только вот домой, домой, а Шура вот, между прочим, вот эта Шурочка, она не уехала тогда домой, осталась в лагере, бо здорово в ней какой-то там наклевывался роман хороший, она осталась, а потом она все равно домой приехала одна разочарованная, вот. Вот эти де... другая Люся, которая на фортепиано играла вот она, Люся, я ее потеряла где-то в Германии, я так и не знаю, куда она делась, вот в лагере, не помню... или не помню... ну скорее всего я тогда знала, а сейчас просто не помню куда она... знаю, что Шура вернулась в Донбасс, мы с ней потом переписывались, а Люся не знаю где делась. Вот так эти девчонки были. Ну что...

В нашем лагере, когда нас проверяли, во-первых мы приехали из Германии, где было чисто все, аккуратно, стерильно, в этих паршивых лагерях, в которых мы жили, в бараках этих, где были двойные нары, мы спали на этих нарах, матрасы были наполнены, значит, чем-то жестким таким, травой какой-то, понимаете, чем-то они были покрыты, какой-то тканью в клеточку такой, с этой ткани девчонки шили себе юбочки, значит, потому что голые были, раздетые, значит вот, но было ж все: было много унитазов, было много раковин, было много воды и все это было чистое и аккуратно. Немцы что-то, а вот за этим они следили. А когда мы приехали на территорию, занятую советскими войсками, мы увидели этот кошмар: это ни одного туалета, загаженные все подъезды, это какой-то ужас был, как вот они не умели и не считали нужным организовывать вот такой санитарный нормальный быт. Ну, и нас там конеш...мы та прожили несколько месяцев, работали мы в столовой там, официантками, там был у них какой-то штат был этих особистов, нужно было всех накормить, мы обслуживали их. Ну и ждали, значит, возвращения на родину, однажды нас, значит, погрузили, отвезли и здрастьте, приехала я домой – это я к концу приближаюсь. Я потом вернусь еще к тому, что я не досказала. Но, уже поскольку, значит, речь идет о возвращении, мы приехали, я вышла на Баварии, на станции Бавария, с чемоданчиком, пошла пешком домой, там полчаса примерно идти мне до дома, встретила с мамой – мы даже и не плакали. А пришел папа с работы, и мы начали с па... папа начал плакать и я начала плакать тоже, а мама у меня мужественная женщина – стояла и говорила: «Тихо, тихо, тихо, тихо, успокойтесь». Вот это была такая первая встреча. Потом отец говорит: «Ну ладно, идем, где твои вещи, заберем вещи». Я говорю: «Какие вещи?» (смех). Он думал, что я привезла богатство из Германии, значит, полно чемоданов со шмутками. А у меня как был один чемоданчик, который я туда приехала, так обратно приехала с ним. Еще он стал поломанный. А ничего у меня никаких шмуток не появилось, он думал, что я, значит, разбогатела. Да, чемоданчик поломанный был почему? Потому что мы были 7 суток в Ковеле, у нас такая была остановка, там переформирование железной дороги, мы там 7 суток пробыли на открытом воздухе. Это русские, они ничего не организовывали для того, чтоб, значит, сделать по-человечески. Дождь там, или что идет – мы на открытом воздухе, на площади, и на этом чемоданчике вот такого размера я спала, И я его поломала, этот чемоданчик, он, конечно, у меня был уже разбитый. Это воспоминания о том, как мы в Ковеле 7 суток... Где-то нас кормили, только не могу вспомнить, куда-то мы ходили, кормить нас кормили. А так чтоб устроить нормально быт – нет, это они мало беспокоились.

А ехали мы в транспорте, по территории Германии я ехала на крыше вагона. Был вагон этот, товарные такие вагоны, и там, значит, были двойные нары на полу, и сверху еще была полка такая, двойная, ну в товарном вагоне, сплошные. И мы так лежали, как селедки, надо было поворачиваться одновременно, значит, всем, потому что ж так лежать или на этот бок. Так я предпочла вылезть на крышу. Было лето, и я на крыше, значит, и хорошая погода, и всё, значит... А крыша на этом вагоне, на товарном, почти плоская, и нас там несколько человек все время ехали на крыше, вот.

[...]

Я хотела сказать о том, что любые воспоминания, они носят объективный характер, субъективный, вернее, характер носят. Это откладывается, и, кроме того, они меняются с течением времени. Вот, поскольку прошло так много времени с тех событий,

которые я сейчас вам все вспоминаю, уже нет той остроты, и нет того чувства обиды, или плохого, того, что зла какого-то на этих людей, которые тебя, доставили тебе эту беду, а вспоминаешь больше... Характер вообще воспоминаний любых со временем отсеивается многое плохое, остается больше, выкристаллизовывается хорошего. Поэтому, когда я сейчас говорю, может такое создаться впечатление, что я... не так-то плохо там было, хотя на самом деле, конечно, там было очень плохо, и это, сам факт угона, сам факт насильного содержания там, отсутствие свободы, голод – это все, конечно, было тогда, когда это было там ужасно было. Теперь развеялось и забылось многое. Я старалась, конечно, сказать, вспомнить что-то, потому что действительно был голод, действительно не было переписки с родиной, что, между прочим, еще очень важно, особенно когда нас разделяла линия фронта, и никаких сведений не просачивалось друг к другу, особенно вот это отсутствие связи с родными – но это по вине... вот это то, что война... А фронт, значит, через фронт ничего не просачивается. А, кроме того, если б даже не было фронта, немцы не сумели и не захотели, наплевали на это - организовать нормальную переписку, если они уже забрали людей туда, в Германию. Так организуйте же переписку с родными – они на это дело, так сказать, не придавали этому никакого значения. Все потому, что они с нами не считались, для них мы были это, так сказать, как бы люди второго сорта, не интересны, им только надо было с нас выжать работу, и кое как нас это, прокормить, чтобы мы могли работать. Но они пожалели... теперь немцы, они признали свою вину спустя много лет, они осудили свои действия, то есть как... сейчас немцы уже не те, которые виновны тогда были, то были, в основном приверженцы этой... Гитлера и всей этой, партии, этих национал-социалистов, которые угнетали все другие национальности. Создавали бы себе только, своей нации какие-то привилегии, жили за счет других, уже это не те немцы, но все равно они признали, ошибками и преступлениями своих дедов и отцов, что считать, что это действительно изучают в школах, они сейчас о том, как... музеи устраивают, в этих музеях они собирают воспоминания, вы же знаете, вы ж туда ездите, знаете, наверное, больше меня, какое у них там сейчас такое отношение к этому вопросу, осуждение и признание – это достаточно мужественный акт – признать свою вину или даже не свою, а вину своих отцов и дедов. То, чего не делают, кстати, наши это власти, российские, например, которые тоже чинили много репрессий, голодоморы, всё, но никто никогда на себя вину не взял и не попросил прощения у народа. Отдать должное немцам – они это сделали, это, так сказать, по-моему, акт такого гражданского мужества, вот. (пауза) А самое главное, вот, наряду с голодом, который там был в лагерях, те, которые жили в домах или, например, в сельском хозяйстве, они голода не ощущали, они были накормленные, вот, наряду с немцами, но они очень много тяжело трудились, это от зари до зари, даже в лагерях вот, где, которые работали на заводах, может быть, легче было работать, чем тем, которые работали, были у хозяев, там их выжимали уже как следует... Сами работали как ишаки и выжимали соки все из своих, кого им там давали, рабов и военнопленных.

А кстати, наши военнопленные, уж если я про военнопленных сказала, наши военнопленные еще жили во много раз хуже, чем мы. Мы голодали, а они я вообще не знаю, как они существовали, там многие вообще из них погибали, ну, там они, например, после нас на заводе, нас на заводе один раз кормили тоже, когда мы на заводе были, на

заводе уже, в бидонах привозили супы, эти супы были... там вода и плавала там еще какая-то овощи там какие-то, вроде как вот эти кочанов с капустой там, знаете, брюква там эта, знаете, что-то плавало, значит, мы выбирали вот это то, что... оставляли одну жидкость, значит, так эту жидкость мы отдавали военнопленным, и они из нее еще чего-то какие-то там что-то... пили ее еще, потому что они ужасно голодали, они страшно голодали. Ну немцы, конечно, все понятно, они не потому, что им жалко было, они не могли. Значит, если бы они кормили всю эту ораву людей, которую они сюда навезли, то сразу крах бы с ними потерпели бы, у них не было ресурсов. Они воевали, имея свои собственные, допустим, людей, народ, свой немецкий народ, и кроме того, всех вот этих румыны, венгры, свои союзники, которые воевали на их стороне, потом они, значит... но прокормить всех они не имели возможности, своих немцев они кормили, немцы у них были накормленные, а на других им не хватало пороху, и у них не хватило пороху, чтобы войну довести до победы.

[...]

Теперь, значит, вот это второй фактор – отсутствие связи с Родиной, это был фактор для нас самый тяжелый, наряду с голодом еще это вот отсутствие связи с родиной, это был, значит, такой для нас очень тяжелый морально фактор. Одна девушка у нас, среди наших в лагере, она сошла с ума. Она жила в нашей же там бараке, в нашей комнате, и начали девочки за ней замечать там какие-то странности, эта Женя, в конце концов немцы забрали ее в больницу для умалишенных. И когда пришли американцы, мы ее провели там, в больнице, перед отъездом мы уже ее там посетили, а ее там оставляли, ее не... лечили, короче говоря. Отдать должное немцам, лечили ее наравне с немками. Там была палата, там человек десять, наверно, было в палате, были немки, женская палата, и она была одна из иностранцев. Этот врач, который был там, психиатр, помню, он пригласил нас к себе, и сказал: «Девочки, вы поговорите там с ней, мы не можем у ней добиться кое-что, мы задаем вопрос – она нам не отвечает, может, она вам ответит, спросите у нее, слышит ли она голоса какие-то, и потом, нет ли у нее каких-то ощущений, что по ней как током проходятся, пронизывает». Но мы как раз с ней разговаривали, только открывали рот задать этот вопрос, она моментально замолкала, она же понимала, что этот вопрос касается ее состояния, и не хотела об этом говорить. Так она как будто нормальная, там с нами разговаривала, всех узнавала, и когда мы выходили, а мы у ней спрашивали, в какой то этой палате лежит, что это за окружают тебя эти сопалатницы, кто это такие – молчит. Как касалось ее болезни, молчала, ничего не говорила, но когда мы поднялись, посидели у нее, поднялись уходить, уже возле дверей она нас позвала, говорит: «Ой, девочка... девочки, вы скажите моим родным, где я осталась» – вот это были ее последние слова. Ну, там были девочки, которые были с одного города, я думаю, так думаю, что они сказали родным. И как дальнейшая судьба ее – я не знаю. Это что... моральные такие травмы.

[...]

Хотела я еще сказать, как меня мама ждала. Вот мама пере... мама посылала через немцев письма мне, тогда, когда нем... во время немецкой оккупации, а когда уже Харьков был освобожден, конечно, прошло еще несколько... года два, никакой, значит, связи не было, и мама, не будучи очень верующей, такой, это папа у меня был верующий, а мама не очень, но мама ходила в церковь и ей сказали, что если она очень сильно

помолится на Покрова, на День Пресвятой Богородицы, это, значит, по-нашему 14-го октября, то ей в течение этого года я вернусь, дочка. Мама ходила туда, она пошла в 43-м году, в октябре в церковь, но нужно было обязательно помолиться в притворе, еще не входя в самый, в церковь, в этом самом, притвор – знаете, что такое? В притворе она забыла, не помолилась, зашла в церковь, и потом, значит, она считает, что раз я не успела выполнить все как нужно, прошел год, и я не вернулась. Значит, до 44-го года мама ждала меня в течение года, и не вернулась. Тогда мама помолилась в 44-м году, уже выполнив все, весь ритуал, который ей предписали. И я в 45-м году, уже подходит октябрь, мама говорит, вот-вот будут, значит, Покрова, год истечет обещанный богом ей на мое возвращение, а меня нет. Но в октябре я успела, в самом октябре, перед Покровами уже, перед этим праздником, я успела приехать. Значит, мамина молитва мне помогла, возвращение.

[...]

Такое чувство, как будто я многое не рассказала интересного. Ну, надо сказать, что в моей жизни там я была постарше многих. Я мабуть не шла ни на какие авантюры, не позволяла себе то, шо делала молодежь. А молодые были отчаянные. Они, значит, девчонки были такие, я помню, с Ростова – как они с этими немцами обращались! Они, их еще разделали, то кричали «Лихт шпарен!». Немцы идут, идут, наши колонна идет, типа в темноте же, темно, они нас фонариками освещают, а девчонки кричат им «Лихт шпарен!» – это значит «Экономьте энергию!» - кричат им. Или проходят мимо вахтера, и говорят «Хайль Гитлер сдох!». А они ж «Хайль Гитлер» везде приветствие, а те отвечают «Хайль Гитлер!», а «сдох» они, значит, не понимают и проходят, а эти девчонки кричат «Хайль Гитлер сдох!», «Хайль Гитлер сдох!». Ну отчаянные они были.

Или вот на те воспоминания, которые издавались при вашем участии с вашей, значит, помощью, я когда читала, там много событий, особенно мальчишек, это отчаянный народ! Вот я когда читала воспоминания, думала – у меня этого ничего не было. У меня ж в этом отношении как-то я, наверно, то ли законопослушная, может быть, я не нарушала, я только собиралась бежать, но никуда не бежала, я, значит, не делала ничего недозволенного такого, понимаете? И не было никаких вот... Ну то, шо я бегала за хлебом к себе туда, на пекарню и сидела потом в карцере, но у меня это оправдывалась тем, что я должна была кусок хлеба, значит, мне нужен был, это же понятно, а так таких ни побегов, ничего такого особого вроде не было. Поэтому у меня такое впечатление, что не очень насыщенное мое воспоминание, хотелось бы что-нибудь еще добавить.

Ну добавить я только могу только к этому, значит, возвращение на родину. Вот это (пауза), то что потом было, когда меня КГБ там это, или вызывали, или меня мучили допросами, или, значит, мне на работе какие-то, значит, ограничения были, ущемляли мое самолюбие или там... – все это было, конечно, неприятно, замуж нельзя было выйти, семьи не было. Я постепенно вот это на... образ жизни мой стал такой: ну нет, так я буду развлекаться – театры, кино, спорт и так далее. Но все равно ж это как-то не заполняло жизнь, вот это... эта неудовлетворенность жизнью все время была, и, значит... но я никогда не допускала мыслей и никогда не думала о том, что напрасно, мол, я не вернулась, я не осталась там, никогда не жалела, я знала – я должна была вернуться, несмотря ни на что. А в основном я возвращалась из-за чего – мама у меня была, мама и родина. Вот мама и родина – два, так сказать, связаны воедино два понятия, и ради этого

я возвращалась. И то, что меня потом как-то ограничили, притесняли в этих делах, я думала, что никогда... отнять могут у меня все, отнять у меня... семьи не дадут создать, не дадут мне карьеры на работе, но вот эту радость возвращения на родину никто отнять не мог. Поэтому я никогда себя не упрекнула, в том, что я осталась там. Может быть, если б осталась, я не знаю, как мне, что была б за жизнь, но мне не хотелось, мне хотелось только одного – никто не понимает родину до тех пор, пока он ее не потеряет...